О сеньоре Красная Борода, рыцаре, влекомом сокровищем, но

Гелена Гринева

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор очерка рассматривает жизнь императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы через призму «Песни о Нибелунгах» и средневековых культурных образов.

- Гела ГРИНЕВА
  -
  - Предисловие
  - ПРОЛОГ
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ,
  - ГЛАВА ВТОРАЯ,
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
  - ОТСТУПЛЕНИЕ
  - ГЛАВА ПРЕЖНЯЯ,
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,
  - ГЛАВА ПЯТАЯ,
  - ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ,
  - ЭПИЛОГ
- notes
  - 1

Гела ГРИНЕВА
О сеньоре Красная Борода, рыцаре, влекомом сокровищем, но не обретшем оное

Пунктир средневекового романа

Предисловие

Паломничество видится движением по вертикали, «по меридиану», даже если путь пролегает по широте (к Кентерберийской, к примеру, святыне, или из Рима в Царьград). Оно во всяком случае есть восхождение, явное или сокровенное.

Трансальпийские переходы Барбароссы вертикальны в обоих смыслах слова: строго географическом — движение его, колебание вверх-вниз, происходит по срединному меридиану Европы, — и ментальном. Краснобородый карлик поднимается к небесам, подпирая свод оных главою Священной империи, и в ту же минуту валится вниз, на дно и за дно, за пределы христианской морали, доходя молниеносно «до полного окаменения тролля».

Трудно представить Фридриха паломником, буквально — странником с пальмовой ветвью. Север Италии залил кровью, в Рим явился варваром, корону воздев на копье. Тем более трудно представить его пилигримом нам, испытавшим недавно нашествие орд новейших: Барбаросса прямо связан у нас с Гитлером. Имя его в России стало нарицательным, пишется и читается — мыслится — в кавычках.

И все же нам предстоит чтение о паломничестве, сложное, многослойное: герой, лязгая доспехами, прыгает с этажа на этаж средневекового мира.

Гела Гринева, медиевист, эссеист, художник, в своем исследовании Средневековья полагает паломничество понятием ключевым. Исследование многолетнее, явленное во многих публикациях, зарисовках и чертежах. Центральная тема — формирование образа Бога в творчестве западноевропейского Средневековья, от момента Миллениума, от эпохи Крестовых походов до «осени» готики.

История Барбароссы — «пунктир романа», лишь малая его часть.

Тема представляется актуальной, пусть и в трансляции: возвращение к вере, восстановление, реконструкция прежнего или наработка нового языка, равно приемлемого для общества и клира, — процесс противоречивый и болезненный. Здесь, в слове — и неизбежно в искомом образе, — у нас зияет заметная прореха. Или расстилается калька, на которую спешно сводятся некие образцы, рассыпающиеся в итоге на суммы цитат; слово остается неподвижно. Нужен не учебник, но опус, встречное росту образа — сочинение, (пальмовая?) ветвь слова.

Андрей БАЛДИН

ПРОЛОГ

Человечество так и не обрело Грааля, обещанного великим романистом Средневековья Кретьеном де Труа[1]. Кретьен и сам не добрался до сокровища, он умер, не закончив «Книги о Граале», состоящей из «Романа о Персевале» и «Романа о Гавейне». Собственно, Кретьен не объяснил даже, чего мы не обрели. Ибо роман Кретьена — роман-путешествие. Повествование вьется вокруг авантюр и подвигов доблестных рыцарей, цель же — священный Грааль, остается недостигнутой, тема Грааля Кретьеном Труанским будто и недоиграна — пассаж, набросок, намек. Что тому причина? Беглость и легкость языка, будто устремленного к новым авантюрам, вперед, к подвигам мушкетеров? Или неуловимая, туманная сущность самого священного сосуда?

Вольфрам фон Эшенбах не только переложил Кретьеново повествование с французского на немецкий. Он переложил роман с куртуазного на мистический, наполнив эту историю принципиально другим смыслом. С подвигов доблести и славы он перевел взор на Грааль, высветил его суть. А потом укрыл его тайной многозначности и превратил в священное сокровище. Вот он — пароль Средневековья! Сокровище как таковое становится смысловым центром средневековой немецкой литературы, от Нибелунгов до «Народной книги о Фаусте». Западное Средневековье — необозримая, не называемая одним словом громада, тяготеющая выйти за собственные (весьма условно определенные) пространственно-временные рамки. Оно норовит обернуться то «каролингским возрождением», то «средневековым капитализмом», то «Ренессансом XII века», то «религиозным гуманизмом». Не является ли чуть не единственным собирательным общим эпохи именно Оно — сокровище? Когда мы пытаемся обозреть это время, взгляд то и дело натыкается на следы поиска сокровища — на диковинные, похожие на затейливый узор, формулы астрологов, на тигли и реторты алхимиков, описания маршрутов тех, кто отправился на «queste» (со временем само это слово, означающее «поиск сокровища», станет определением отдельного вида средневековой литературы). Облекшись в христианскую веру, крестоносное Средневековье придает своему сокровищу новую форму — форму Гроба Господня, тем самым подсознательно возвращая его таинственной, дремучей тайне прошлого, преданного земле. Средневековое сокровище темно и таинственно еще и потому, что в культуру оно просачивается из ранних эпических произведений:

ритуальные и магические мотивы становятся неактуальны, смысловые и логические связи утрачиваются — так при переписывании текстов возникают смутные места, допускающие многочисленные толкования.

В 1160 году неизвестный австрийский автор, обработав старинные германские саги, создает средневековую версию истории о Нибелунгах — «Конец Нибелунгов». К 1200 году история эта отливается в знаменитый куртуазный роман — «Песнь о Нибелунгах». Именно там прозвучит заветное слово — Horst — сокровище, символизирующее могущество и господство. Волею судьбы в то же самое время, в 1160–1162 годах, в баварском монастыре появляется произведение «Ludus de Antichristo», где в достаточно подобострастных выражениях воспевается немецкий император Фридрих. Что совершенно неудивительно: в это время правит император с таким именем. Однако ж автор этого весьма посредственного произведения вдруг поднимается на крыльях немыслимых национальных галлюцинаций и утверждает — перед Светопреставлением люди объединятся против Антихриста и возглавит это необычайное собрание немецкий император по имени Фридрих. Когда в начале XIII века, отредактированное поколениями миннезингеров, это пророчество попадет в роман Вольфрама фон Эшенбаха, оно уже будет неразрывно связано с Horst Нибелунгов, Нибелунги же будут ассоциироваться с древней славой германцев вообще. «Император Фридрих выйдет из горы», — уточняет еще одна немецкая легенда. Невероятно. Таинственное сокровище Нибелунгов на заре времен возникло именно так: «Золото вышло из горы (из камня, из породы)», — утверждают эпические источники. Контаминация истории Нибелунгов и истории императора — спасителя нации — так сильна, что просто сплавляет их в единую плоть. Император — он и есть главное сокровище Германии. «Немецкий император по имени Фридрих, по праву древнего наследства наделенный могуществом и властью, дарованными сокровищем, объединит германцев и вернет их к золотому веку немецкой империи» — примерно в таком виде «старинное» пророчество доживет до нового витка национальной гордости тевтонцев в XIV–XV веках и станет основой так называемого пророчества Гамалиона. Какой император введет немцев в Золотой век? Воодушевленные ожившей легендой, немцы сначала полагали, что это будет Сигизмунд. Но он не оправдал надежд. Впрочем, он не был и Фридрихом. Разочаровал их и Фридрих III Габсбург. Тогда взоры немцев обратились вспять. Император Фридрих II, внук Барбароссы, слепил свою раздираемую противоречиями империю,

но немцам опять же не угодил — потому что по крови больше был итальянцем, чем германцем. И тогда пророчество еще раз шагнуло назад. И остановилось на Фридрихе Барбароссе. «Он не умер. Он просто спит в горах Тюрингии. Он сидит меж шести рыцарей за каменным столом в ожидании того дня, когда надо будет объединить Германию, дабы дать ей первое место в мире» — немецкая легенда XVI века элегантно останавливает поисковые работы в толще времени и одновременно оставляет немцам недвусмысленную надежду. А мы в очередной раз становимся свидетелями, как правда искусства одерживает победу над правдой жизни и вносит существенные поправки в трактовку истории. История Германии, грезящей величественным объединением, чуть ли не чудесным образом воспринятым от императора-харизматика, — это на самом деле история все большего дробления. Спустя столетия после объединительного усилия Карла Великого, в XVIII веке (а это — эпоха романтизма, эпоха сколь неожиданного, столь и прекрасного подъема национальной гордости и достоинства немцев, эпоха, одухотворенная идеей собирательства под сенью Иггдрасиль — древа жизни национальной культуры), так вот, в это счастливое для национальной культуры время германская империя остается самым «лоскутным» европейским государством: на ее территории располагается около 360 независимых государств и княжеств. Еще два века спустя Германия отказалась и от «спасительной» монархической идеи во время революции 1918 года, а потом залила Европу кровью ради мании национального величия Нибелунгов. Результат все тот же: привычная уже раздробленность. Поэтому есть опасения, что император Барбаросса в глуши гор Гарца дошел до полного окаменения тролля. Груз ответственности за пророчество, тяжесть сокровища Нибелунгов слишком велики для этого исторического персонажа. Ничто их не роднит, кроме случайного совпадения во времени. Кроме исторической поступательной необходимости. Или приговора избранности? Но это, в общем-то, одно и то же…

По приговору времени и литературы именно Фридрих Барбаросса оказался под властью сокровища Нибелунгов, это оно тащило его и правило им, лишая собственной логики и воли. Вопреки ожиданиям этот император был далек от идеала спасителя нации, но образ императора, согнутого под бременем рокового сокровища, достоин отдельного романа — вполне в духе средневековой куртуазии: «рыцарь, которого влекло сокровище». Нет, роман этот даже перерастает свое время и приобретает оттенок неуловимости и утраты, присущий скорее эстетике романтизма — «рыцарь, который каждый раз упускал сокровище».

Попробуем еще раз оживить императора.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой мы знакомимся с неким рыцарем и становимся свидетелями его обручения

Тайный и трепетный момент обручения, когда рыцарь кольцует свою изящную голубку, берет в плен ее прозрачный розовый пальчик — необходимый узелок куртуазного романа. Колечко — залог любви, символ обета. Будет и у нас колечко.

Впервые наш герой появляется на исторической сцене в 1152 году. К этому времени он — сложившийся рыцарь, ибо единственная наука, которую он «постиг с крайним воодушевлением», — военная. Внешность у него самая заурядная — ростом невысок, зато коренаст, шевелюра его негуста, разве что борода — ярко-рыжего цвета — останавливает на себе внимание. Избранница его, белокурая немка Адельгейда фон Фобург, действительно стройна, однако причиной тому, вероятно, бездетность, но отнюдь не юность. Оба они по меркам своего времени немолоды — рыцарю почти тридцать — и женаты, наверное, лет уже десять-двенадцать. В этом возрасте истории многих его современников начинали клониться к закату, и наш роман мог завершиться уже здесь.

Однако ж судьба неожиданно переписывает историю нашего героя, проговаривая всю его прежнюю жизнь скороговоркой предисловия. Ибо рыцарь наш — принц. Что не редкость в куртуазном романе. А также в раздробленной Германии середины XII века, где почти каждый крупный дворянин — уже принц. Как это часто случается в романах, вдруг умирает старый король — Конрад III. Королевский престол в Германии — выборный, что неимоверно накаляет обстановку. У Конрада есть собственный сын. У империи — немало доблестных сынов. Но вдруг проносится слушок, что на смертном одре старый император успевает прошептать имя преемника — Фридриха Швабского из рода Гогенштауфенов — нашего рыцаря. Допустим, что это капризной истории понадобился простой, ничем не примечательный принц — родственник двух враждующих из-за престола фамилий — Вельфов и Штауфенов. Человек с твердой волей, навек воспринятыми ценностями, без особых фантазий и не чуждый вполне объяснимой слабости — очарования властью.

Среди сокровищ Нибелунгов много было прелестных вещиц и таинственных диковин. Однако ж внимание сосредоточивается на

одной. На ней единственной замкнется отныне национальная имперская идея. Это — золотое кольцо карлика Андвари, кольцо могущества. Кольцо — овеществленная магия власти. Но Андвари наложил на него проклятие — кольцо завладевает жизнью каждого, кто завладевает им.

Вот, наконец, и колечко, каким обручается наш Фридрих. И, влекомый предназначением, преображается сам и преображает своей властью империю. Достойна ли страна своего монарха, очарованного могуществом? Нет. Это страна неверная, развращенная многочисленными поместными князьями: Германия поделена по национально-территориальному признаку, она только номинально подчинена императору. Деньги, налоги, земли, власть, право — все сосредоточено в руках местных сеньоров. Мелкие вассалы — в прямой зависимости от них же. Фридрих стягивает расплывшуюся фигуру Германии тугим корсетом имперской централизации — железного юридического послушания и экономической зависимости. Щедрою рукой он передаривает, пережалует старые земли, нарушая этнические границы. Он делает ставку на крупных сеньоров — это его верные люди, их немного, и в случае чего известно, как их можно взнуздать. Фридрих издает указы о запрещении дробления ленов по наследству или по какой другой причине. По всей Германии строятся замки, принадлежащие Штауфенам. Он вводит институт прямого королевского правления и инвеституры. В немецких провинциях появляется новая административная должность — представитель императора. Представители императора в спорных случаях «присматривают» за землями, утратившими прямых наследников и отторгнутыми за неуплату долгов и налогов. Императорские «назначенцы» собирают налоги в карман главного государственного суверена. Они же от имени императора инвестируют регалиями и землями тех, кого считают достойными в центре, а не на местах. Они отправляют правосудие именем главного господина страны, пренебрегая юридическими правами местных властей. Вот теперь между королем и его землей никто не стоит и он, по праву хозяина, сжимает ее кольцом своих объятий…

Что же касается белокурой окольцованной голубки, то настал и ее черед. Героине «Нибелунгов» снится, будто сокол, ею выкормленный и взращенный, гибнет на ее глазах. Мать говорит ей: «Лишишься ты своего суженого и богатства своего»… И впрямь. Монарху потребны наследники, поэтому история неплодной Адельгейды здесь кончается — разводом без выплаты компенсаций. Фридрих берет новую жену — Беатрис Бургундскую. Точнее, его кольцо втягивает в круг своей власти,

заключает в объятья империи завидную добычу — Бургундию, часть шаткого, неверного «наследства Лотаря».

Этот брак еще неотвратимей привязывает короля Фридриха к роковой истории Нибелунгов. Ибо жена Зигфрида, завоевателя сокровища, — родом из Бургундии. Бургундцы завладеют кладом, и к ним прирастет имя Нибелунгов.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой герой, возжелавший пойти под венец, вступает на зачарованную землю

Сюжет «Песни о Нибелунгах» движим женщиной. Силою своего предчувствия Кримхильда призывает Зигфрида, обладающего столь могущественным кладом и столь исключительными качествами, что кажется навсегда канувшим в мифологическое вчера. Силою своей пленительности Кримхильда приводит героя к венцу. Силою своего почитания она создает вокруг избранника поле невиданного накала злобы и зависти. Это она метит на спине возлюбленного уязвимое место и становится невинной виновницей его гибели. Момент венчания, описанный в романе, с одной стороны, с истинно куртуазной живостью, а с другой — со свойственной немецкой культуре обстоятельностью и даже помпезностью, приводит в движение обветшавшие декорации эпоса, расширяет пространство и обновляет время повествования.

Неотвязный мотив венчания выталкивает Фридриха из пространства прирученной Германии: он во что бы то ни стало должен венчаться короной Священной Римской империи. В 1154 году он выступает в «коронный» поход. Конечная точка путешествия — Рим, столица светского папского государства Патримониума Св. Петра. Путь туда лежит через Ломбардию — лучшую, итальянскую, часть германской империи. На первом же перевале кортеж встречает группа итальянских подданных с недвусмысленными намерениями. Фридрих благоразумно решает не заходить в города и останавливается на ночевки лагерем прямо под нежным итальянским небом. То, что итальянцы не любят своих немецких властителей, Фридриху хорошо известно. Еще в 1152 году, когда фигура Фридриха только появилась на имперском небосклоне, один из публицистов Вечного города язвительно заметил: «Поскольку все достоинство государево находится в руках римлян, поскольку император зависит от римлян, а не римляне от него, то какой закон может запретить… самим выбирать императора?» Отто Фрейзингенский, дядюшка короля, с недоумением и грустью отмечает: «Итальянцы никогда не встречают с почтением принца… Они враждебно встречают полноправные требования… законного и снисходительного господина». В духе традиционного императорского

«снисхождения» устроена и первая встреча Фридриха с итальянскими подданными. Фридрих собрал их «у себя» — в безопасном удалении от городских стен — и огласил ряд указов. Что может предложить император итальянской земле, на которой он чувствует себя столь неуверенно? Щедрый дар — железный порядок и жесткую власть. Фридрих хочет водрузить привычную и послушную вертикаль власти над зыбкой анархической субстанцией итальянских городов. Для этого неограниченные права передаются крупным феодалам — итальянцам и немцам. Большинство прав и свобод итальянских городов упраздняются, самоуправление отменяется, консул назначается императором «с одобрения народа». В города назначены специальные кураторы монарших интересов. Фридрих хочет воспитать строптивую итальянскую возлюбленную по правилам, отработанным на верной немецкой жене. Но горожане с негодованием отвергают «новый порядок» немецкого монарха — испокон веку порядок Италии образовывали города. Король же высокомерно отмахнулся: «Городские свободы — это что-то из области коммунального права, не дело государя этим заниматься». Фридрих, ослепленный силою своего сокровища — императорского всемогущества, не хотел замечать *иного*, клубящегося на заднике благословенного итальянского пейзажа. Горожане покинули форум. Он был даже рад, что избавился от докучливой помехи: ничто не стояло между ним и этой землей.

По дороге к венцу он — в назидание — разграбил миланские провинции, разорил тамошние укрепления и осадил Крему, вздумавшую помогать опальным миланцам. Там, под Кремой, Фридрих получил свое знаменитое прозвище — Барбаросса. «Росса» — это по-итальянски и рыжий, и красный. Говорят, что к осадным орудиям он привязывал пленников. У императорской бороды отныне будет кровавый отлив.

Рим встретил своего государя как всегда неприветливо — мятежом. Немецкие войска заняли центр города, окружили Собор св. Петра. Когда прибыл папа (тоже изрядно напуганный и неистовством римлян, и немецким присутствием, весьма смахивающим на оккупацию и не делающим папе чести в глазах земляков), произошел досадный казус. Фридрих отказался придержать стремя понтифика. Свита убеждала его, что это — вековая формальность. Сцена ожидания на коне досадно и комически затягивалась, Фридрих два раза подходил, но… В «Песни о Нибелунгах» есть очевидное указание на время написания — «двустрочник о стремени».

Зигфрид, взявшись помочь брату жены — Гунтеру, переодевается его оруженосцем. Он мог бы разбросать

унизителей или купить весь женин двор со всеми его мелкими проблемами, а — надо же — как верный слуга с подобострастием поддерживает стремя своему «господину»…

…В конце концов папу сняли с лошади и в окружении немецких рыцарей ввели во храм. Там, под сенью ночи, под бряцанье оружия, папа римский возложил на рыжую голову императора заветный венец… Город об этом узнал следующим днем, когда уже ничем не мог помешать: не в блеске законной славы, но с первым блеском утренних лучей император спешно покинул Вечный город.

Однако ж роль переодетого Зигфрида не полюбилась Барбароссе. Все его дальнейшие отношения с папством отравлены были духом высокомерного презрения, а сам он — в нарушение вековых устоев — обращался к папе на «ты». Позже, не озаботившись неэтичностью и политической опасностью своего поступка, он создал ситуацию двоепапства, завел себе послушного папу и возил его в обозе для неотложных духовных нужд. Папа — римский, следовательно, итальянский! — казался Фридриху опасной помехой. В своих буйных имперских фантазиях Фридрих без колебаний удалял эту соринку чужеродства и отчетливо видел Италию целиком отдавшейся только его властному величию. Бедный Фридрих! Он не знал, что за земля стелилась у его ног.

Рыцарский роман всегда развернут в особом пространстве — это пространство не имеет четких границ, оно вневременное и внемерное. Из своей немецкой, четко организованной реальности Фридрих ступил в ирреальное пространство романа. Его зачарованная земля — Италия. Он нырнул в глубь Италии, не зная еще, что провалился туда на тридцать с лишним лет. Он зашел туда с огненной бородой и пылающим, яростным взором, а когда выбрался — было уже очень поздно, и борода его поседела, и взор погас. И жизнь, отпущенная на подвиг, ушла на подлую братоубийственную борьбу.

Это потом. Пока — утро, и голова идет кругом от недавней тяжести императорского венца. С дороги император Барбаросса послал папе римскому гонорар за услугу — схваченного накануне главу мятежной римской республики Арнольда Брешианского.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой сеньор Красная Борода вступает в противоборство с итальянскими коммунистами

Арнольд Брешианский был казнен папою римским так же, как Фридрих Барбаросса повенчан — спешно и ночью. Труп его сожгли, а прах развеяли над Тибром — иначе римляне носили бы пепел в поминальных мешочках на груди. Арнольд был не только главою Римской республики в течение десяти лет, он почитался гражданами как их собственный святой. В свое время Арнольд Брешианский был учеником Абеляра и, всею душой восприняв его идеи, выбрал мучительную стезю духовного маргинала. Он проповедовал идеи нестяжательства и христианского аскетизма, он пропагандировал абеляровскую идею, что «разум важнее авторитета», призывая человечество к бодрствованию ума и духа. Он полагал равенство людей перед Господом благом и не видел власти, кроме власти Господа. Идеи его очень кстати пришлись в стенах мятежного города. Аскетизм Арнольда преобразился в нетерпимость римлян к светскому и мирскому обогащению Церкви и папства. Идея о преимуществе разума над авторитетом была перетолкована анархически, и из города время от времени изгонялись не только наместники императора, но и папа. Идеи равенства и свободы перед Господом приобрели политическую республиканскую окраску и утверждали власть городского собрания и должность градоначальника, выбранного «всем народом».

Император, передавая Арнольда папе римскому, полагал, что выдергивает сорняк мятежного республиканства навсегда. Прах Арнольда не достался римлянам. Но и республиканская земля не досталась императору.

Карл Великий — отец Великой Германии — еще не обратил туман пространства в свою империю, а итальянские города ярко и четко, подобно витражу, складывали в единую картину землю Италии. Карл Великий был очарован идеей величия Римской империи — оттого собственную свою империю он тоже назвал Римской. Частью Священной Римской империи, бывшей по сути своей империей германской, стали и полисы Ломбардии. Однако ж и жители этих полисов не меньше, чем странный немец, возомнивший себя наследником цезарей, были увлечены идеями Римской империи. И дело не в том, что они были наследниками

«по прямой», а в том, какую часть наследства предпочли. Традиционным для итальянских городов было республиканское устройство по образцу Древнего Рима.

Очевидно, что основой «коммунистической», республиканской Италии были именно купцы. Чуть позже Джованни Медичи, отец Козимо, сформулирует это: «Я хочу заниматься торговлей и ничем не возвышаться над другими горожанами. Я знаю, что торговля есть начало и основание республики нашей, и государство ею прославляется, а по имени нашей Коммуны хвалят и наши товары, и поэтому, если я стану беден, то и республика наша не возвысится». В итальянских городах-республиках купцы занимались весьма разнообразными делами. Это и текстильное предпринимательство, руководство банковскими операциями, обмен монет, ростовщичество, управление загородными виллами и земельными участками, финансирование государства. Сыновья из зажиточных городских фамилий хоть и предназначались для разных поприщ, но всегда считали нелишним «немного поучиться счету», то есть составлению деловых коммерческих писем и бухгалтерии. В итальянском средневековом городе практически невозможно было найти человека, так или иначе не связанного с коммерцией. Мессер Бернардо Макиавелли, отец великого Николо, был, например, нотариусом. Примечательно, но в своей книге он не упоминает о своей профессиональной деятельности. Зато обстоятельно пишет о своих торговых операциях с недвижимостью, о торговле в кредит вином, оливковым маслом, скотом и льняным полотном. Одновременно он приторговывал в Пизе яблоками и медом и ссужал мелкие суммы под проценты.

Купцы торговали. И неплохо: за счет их отчислений проводили водопровод, мостили дороги. Не говоря уж о прелестных безделушках и изысканных мелочах жизни: ведь торговали-то с арабами, Византией, Азией начиная с VII века. Впрочем, и свои, итальянские мастера быстро воспринимали культуру производства милых и имеющих спрос штучек. Города украшались искусными изделиями ремесленных цехов, застраивались и обеспечивались коммуникациями и за счет цеховых отчислений в городскую казну. Профессиональные и имущественные коммуны объединялись в городскую коммуну, которая и избирала на городском собрании коммунальную верхушку — совет, по типу римского Сената, и консула, который во избежание коррумпированности переизбирался коммуной достаточно часто. Все налоги, прибыли от торговли и производства распределялись внутри городской коммуны — на ее общие нужды. Правовые вопросы решались народными

заседателями, а в особых случаях — консулом. Юрисдикция итальянских городов определяла коммунальные права и свободы как *естественные*.2 Феодальные сеньоры предпочитали перебираться из своей поместной глуши в города — более красивые и комфортабельные, чем родовые провинциальные замки. Иногда дух республиканской бескомпромиссности взмывал подобно пару в кипящем горшке. Коммунары, помраченные идеей равенства, изгоняли сеньоров из городов и громили их городские жилища. Нужно ли после этого удивляться, что сеньоры предпочитали поддерживать горожан в их борьбе за демократические свободы и против…аристократии, наместников и самого императора? Часто многие сеньоры гордились тем, что Отто Фрейзингенский с возмущением называл «скандальным мезальянсом», — браками с купцами или другими представителями «жирных» коммунаров.

Для купцов средневекового итальянского полиса важно было не только прибыльно вести свои коммерческие дела. Каждый гражданин купеческого звания хотел внутренне соответствовать высокому идеалу «доброго купца» — buono mercatore. Занятие коммерцией — исток многих нравственных добродетелей. Важно, что и церковная идеология того времени и полвека спустя — в особенности после положений Фомы Аквинского — пыталась оправдать купеческую деятельность. Если человек не занимался торговлей, это всегда вызывало настороженность. Существует занятное письмо в архиве Датини, в котором один купец описывает своего нового знакомого, некоего Симоне. В принципе, этот Симоне симпатичен, эрудирован и не лишен обаяния, хорошо танцует, приветлив с женщинами и знаток сонетов, но «торговлей он не занимается», живет на ренту. Это говорит о сомнительных моральных качествах Симоне: «Симоне обладает большими претензиями, я думаю о нем, как о противоядии, которое можно употреблять только раз в месяц и на кончике ножа». В знаменитой «Домашней хронике» Донато Велутти идеал «доброго купца» находит, наконец, совсем прозрачное противопоставление. Это — идеал «куртуазии». С точки зрения «доброго купца» куртуазия — это клубок пороков мота, отказавшегося от торговли и погрязшего в праздности и развлечениях. Надо ли после этого говорить, отчего итальянские феодалы всей душой стремились воспринять идеи «доброкупечества»? Надо ли говорить, что гигантская пропасть, разверзшаяся между итальянцами и их немецким императором, только увеличивалась из-за того, что Фридрих Барбаросса всячески приветствовал при своем дворе куртуазную культуру и именно его время отмечено невиданным расцветом куртуазной

немецкой литературы?!

Если бы дело в Италии обстояло *так* безнадежно для империи, то, возможно, Фридрих умер бы от укуса блохи на первом же пограничном перевале, но Италии не увидел. Не только иллюзии сулили ему успех в Ломбардии. Свободные коммунары дрались друг с другом, как торговки из-за места в рыбном или скобяном ряду. Города-коммуны бились за рынки сбыта, сферы экономического присутствия, за каждую таможню, дорогу, каждый захудалый мост. Вдобавок этим «коммунистическим» городам противостояли другие, «умеренные» — проимперские. Не то чтобы им нравился император-немец. Им была симпатична имперская объединительная идея. Консулы и коммуны этих городов надеялись, что с укреплением центральной власти на итальянской земле прекратятся смуты, междоусобицы и раздор. «Умеренные» были единственным политическим, а не военным шансом императора. И, к чести своей, неукротимый Барбаросса им воспользовался. Щедрою рукой он начал раздаривать свободы, прежде столь беспощадно отобранные, «умеренным» — гибеллины назывались они. Гибеллины за это не очень-то воспылали к нему любовью. Зато заслужили ненависть непримиримых коммунаров — гвельфов.

Гвельфы и гибеллины — слоги итальянской истории. Южные сочные слова, будто созданные для песен — и попавшие в песни. Пусть в мрачные, инфернальные песни, но пропетые великим Данте Алигьери. Итальянские имена — с ненавистными для средневековой истории Италии немецкими корнями. Гвельфы — от родового имени Вельфов, неистовых оппозиционеров, исконных противников Штауфенов. Это название — скорее символ оппозиционности, поскольку Вельфы уже в начале противостояния, в эпоху Барбароссы, отстранились от итальянской политики, выгодно продав свою итальянскую недвижимость императору. Гибеллины — от неуклюжего «Вайблингены» — второй родовой «фамилии» Барбароссы. Итальянская история поглотила и Барбароссу, и германские имперские амбиции, а круги посеянной им кровавой гражданской войны между гвельфами и гибеллинами продолжали расходиться по Италии триста лет. Цели и идеи лагерей неоднократно менялись местами. Менялся и социальный состав участников. Смысл многовековой распри был до того смутен, что так и хочется предположить, что раздор был посеян не властолюбивым Барбароссой, а темной силой, неподвластной человеческой логике.

ОТСТУПЛЕНИЕ
о том, как епископ благословляет кушанья

Не склонные к мистике современные исследователи старались объяснить конфликт между гвельфами и гибеллинами конфликтом между сторонниками пап и сторонниками императора. Все итальянцы — натуры чувствительные и пламенные. Им свойственны в равной степени и благоговение пред святынями, и неприязнь к притеснениям. Папская церковь для итальянских республиканцев была символом ханжества, светской меркантильности и сервильности. Если коммунары и объединялись с папами, то не из-за их священного сана, а из личных симпатий и редких человеческих качеств понтифика. Так было с папой Александром — «другим» папой, не признанным Барбароссой.

Начиная с прискорбного «инцидента со стременем», когда император Фридрих Барбаросса отказался исполнить формальную шталмейстерскую службу, принятую еще во времена Каролингов, странная, витиеватая история отношений Барбароссы с папством приобретала все более мрачные черты готического романа. Тогда, когда обиженный за стремя папа отказался венчать Фридриха, кое-кто из предприимчивых горожан предложил…купить ему императорскую корону за 5000 фунтов золота. Император отказался. И не только потому, что ему идея благословения тоталитарной монархии была политически гораздо дороже сомнительной сделки с коммунарами. Барбароссе по серьезным, я бы сказала, мистическим причинам было очень важно, чтобы его власть, темный дар Нибелунгов, сокровище, выросшее из темных глубин проклятого клада, была «отмыта» горним благословением. Срастить темный мифологический низ и лучезарный божественный верх — это было потребностью, залогом прощения истосковавшейся, блуждающей в великолепном одиночестве власти души императора. К этой цели он шел путями, весьма характерными для правителя: если церковное благословение не проливается на его голову елеем, то нужно что-то менять в церкви. Сразу же после смерти папы Адриана («папы в стремени»), большинство кардиналов избирает папой Александром III кардинала-канцлера Бандинелли. Меньшинство, составлявшее партию императора, избрало папой Виктором IV кардинала Монтичелло. Оба папы были

интронизированы, Александр признан папой практически всеми церковными и светскими властями европейских государств, зато Виктор был признан Барбароссой — обоим этого было достаточно. После смерти Виктора IV в 1164 году римляне потребовали возвращения папы Александра в Вечный город, но император выбил его со священных позиций силой оружия и интронизировал нового антипапу — Пасхалия III. Ирония истории заключается в том, что антипапы оказывались очень недолговечными, и после скоропостижной кончины очередного в рядах римских кардиналов возникало суеверное замешательство. С определенного времени на пост «личного папы» императора стали соглашаться только его земляки. Но и это не смущало Фридриха, решившего биться за благословение небес до последнего. За время правления он интронизировал четырех антипап. Помимо Виктора IV, Пасхалия III, это Калист III и Иннокентий III.

Да и папы пользовались гвельфами в исключительных случаях: когда надо было решить свои политические проблемы любой ценой. Едва же брезжила возможность соглашения со светской властью, папство предавало пламенных революционеров. Опасная коммунарская идея была папам так же противна, как и императорам. Дым от костра Арнольда Брешианского — недвусмысленное тому подтверждение. Но не единственное и не самое ужасающее.

В нашей истории с Красной Бородой и коммунарами папа римский, вернее, один из двух, правящих одновременно, — оппозиционный Барбароссе итальянский папа Александр стал символом и знаменем оппозиции. Понимая двусмысленность оказываемой ему поддержки, он искал себе сторонников поавторитетней и поспокойней. Он находил их при королевских дворах Франции и Англии, в Сицилийском королевстве и даже в Византии. Папа Александр был орифламмой итальянских коммунаров, именем победы, которым оппозиционеры нарекут город — центр сопротивления. Но это имя давали сами коммунары, это знамя водружали они. Его же роль в борьбе коммун с императором была незначительной.

Стоит ли удивляться? Это же рыцарский роман, а в настоящем рыцарском романе так и должно быть. Куртуазный роман — произведение сугубо светское, духовное лицо в нем присутствует в роли статиста, чья реплика сводится к сакраментальному «кушать подано». В одном знаменитом куртуазном романе епископ действительно появляется в связи с кулинарной тематикой. За славным рыцарским столом сие высокое духовное лицо возникает так некстати, что автор

начинает маяться — к чему бы его приспособить. Наконец, повествователь находит почтенному достойное занятие: священник благословляет трапезу героев, а потом, когда рыцарский пир достигает свойственной ему удали, благоразумно исчезает из повествования. Заглянем под крышку — интересно, какие кушанья благословляет святой отец в нашей истории?

Времена Барбароссы — самый разгар крестоносного движения на Востоке против врагов христианства, неверных. Ситуация на Востоке осложняется каждый день — идея «священной войны», на которую так ставила Церковь, терпит унизительное и разгромное поражение. В Европе, обобранной ради бездарных действий на Востоке и оскорбленной несостоятельностью собственного героического имиджа, идея крестоносных походов становится все более непопулярной. И в этот момент — ну совсем, кажется, неподходящий! — католическая церковь опять поднимает вопрос о крестовых походах. Сейчас, когда ненависть к неверным сменилась обиженной усталостью, а главный неверный — Саладин — стал вдруг необычайно популярен в героических и благородных жестах! Отвернувшись от тьмы неверных, Церковь решает вопрос о допустимости крестовых походов против… христиан. Христианская католическая церковь в лице понтифика своего разрешает объявлять крестовые походы против христиан…если это служит благу и процветанию Церкви. Папство тем самым выводит себя за рамки христианской морали. После этого папы могут послушно ездить в обозе короля или примыкать к повстанцам, могут торговать тиарой или звать на священную битву — кушать уже подано, буйный пир начался. Попущенная Западная Европа срывается в пропасть мракобесия: Барбаросса утюжит устроеннейшую часть западного мира — Италию. Крестоносцы бездарно и бессмысленно разоряют золотую Византию, лишая западный мир образца христианской цивилизации. Жесточайшие Альбигойские войны уничтожают провансальскую культуру, лишая западный мир возможности принципиально новой светской цивилизации. Разгромлен орден тамплиеров — и Западная Европа лишается не только новых идей, подстегивающих европейское сознание, но и созданных орденом экономических, банковских, заемных, вексельных связей, развитых дорожных и почтовых структур. Западная Европа добровольно и с одобрения церкви набавляет себе лет двести смутного, вязкого заточения в прошлом. Для чьего блага обрывается бег жизни? Кто толкает брата на братоубийственный грех? Кто свивает в кольцо пусть тяжелую, но прямую дорогу?

ГЛАВА ПРЕЖНЯЯ, в которой мы возвращаемся к сеньору, а он возвращается к своим коммунарам

За исключением первого, «коронного», все остальные свои походы в Италию Фридрих Барбаросса называл без обиняков военными. Его войско состояло из брабантских наемников, во всей Европе имевших славу самых жестоких головорезов. Личный императорский секретарь, канцлер Рейнальд, осел в Италии, опутал ее сетью осведомителей. Упоминание о Рейнальде и его карателях приводило в трепет самых пламенных гвельфов. Говорят, когда в 1162 году Барбаросса разорил Милан, триста самых достойных горожан ползли к нему в пыли, посыпая головы пеплом, умоляя пощадить их белый город и невинных младенцев и женщин. Ничто не дрогнуло в лице сеньора Красная Борода. Он сухим, будничным голосом приказал казнить триста миланских заложников, изгнать из города всех горожан, а три тысячи самых рьяных отправить в ссылку (представляя себе население пусть и большого, но средневекового города, понятно, что мера эта нечеловечески жестокая — практически все взрослое население). А потом, изнывая от жары и скуки, до конца проследил, как брабантцы сровняли великолепные стены с землей, засыпали ров и завалили кафедральный собор. Фридрих давно уже находился вне круга христианской морали…

Германский эпос, выплеснувший злосчастное кольцо всевластья на берег немецкой культуры, не знал христианской морали. Но он развивался в мире, где достаточно явно проходила грань между моралью человеческой и нечеловеческой. Гунтер, брат Кримхильды, — славный парень. Он подвержен человеческим страстям, он влюбляется в девушку, он ценит дружество своего нового родственника, брата по закону — Зигфрида. Мысль о предательстве ему противна — потому что это противно человеческой морали. Если бы Зигфрид был таким же славным парнем, как Гунтер, ничего бы не произошло. Но Зигфрид — хранитель клада, на который наложены злобные чары. Когда Гунтер решается на бесчестное убийство, он делает выбор между человеческой и нечеловеческой моралью — в пользу последней. Это древняя таинственная сила выбирает его. Сокровище Нибелунгов останавливает бег жизни, поднимает руку брата на брата, дает власть и богатство. Взамен же — малость.

Гунтер становится рабом и орудием кольца. К нему прирастает имя Нибелунга и лишенный пространства и времени мир, прилагающийся к сокровищу…

Никакой логикой, даже жадной логикой имперской экспансии, необъяснимо столь упорное кружение Барбароссы по Италии. Уже через десять лет его правления германские принцы отказывались участвовать в его итальянских экспедициях, еще через два года они перестали поставлять ему войска. Еще через семь лет не хватало денег, чтобы содержать наемников, и Барбаросса между боями объявлял армию распущенной, обрекая брабантцев на голодный разбой в поисках «курки, яйки». Однажды Бернард Клервоский посоветовал папе, погрязшему в битвах с республиканцами за Рим: «Оставь Рим, и твоим будет мир». «Если мы завоюем Милан, — писал хронист Барбароссы, — мы завоюем весь мир». Вот разница подходов, продиктованная службой разным полюсам души: откажись от малого, от искусительной материи, сделай шаг назад — и пространство добавится, в том числе и за счет благодарностей и симпатий, а это немалое приращение, ведь оно идет из неизмеримых запасников душ. Другая грань — ни шагу назад, вытаптывай пятачок своего в топком пространстве иного — потому что отступать некуда: кольцо власти стягивается, как кожаный ремешок, как петля…Каждый свой поход на Италию Барбаросса знаменует очередным «унижением» Милана. Он разорял город до основания, лично сжигал кароччо — коммунарскую повозку со знаменем св. Амвросия. Ронкальское соглашение — знаменитое безжизненным пафосом антиитальянской тирании — было обнародовано Барбароссой после *тотального* уничтожения города. Барбаросса, вглядываясь в не улегшийся еще прах миланских руин, мечтал, видно, разъять так всю непокорную Италию, развеять ее естественные свободы, полисную гордыню, стойкий иммунитет к немецкой властности и порядку. «Униженный» мир — мечта нового Нибелунга. Но время и пространство будто издеваются над императором, превращая наутро в ничто все, чего он достиг в героическом сне. Каждый следующий раз навстречу Барбароссе вставал Милан. Мираж. Наваждение. Приговор. Развеянные частицы зачарованной земли слеплялись вопреки воле императора.

…Кримхильда, вдова Зигфрида, решив отомстить его убийцам, новым Нибелунгам, призывает их к себе, на чужую, неприязненную землю. Зачем Гунтер отправляется в путь, ведь он догадывается о намерениях сестры? Пророчество, полученное в дороге, лишь подтверждает его предчувствие. Вопреки логике он не сворачивает с гибельного пути. Он переправляется через

пограничную реку его земли. И отпускает челн по течению. Все пути отрезаны. Почему? Неужели он осознанно идет за справедливым возмездием? Нет, он идет, повинуясь чарам, темному договору со своим сокровищем — покорно исполнять ответную часть обета.

Что заставляет сеньора Красная Борода, уже с бородою седою и редкой, вновь глотать горькую пыль итальянских дорог?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой наш герой отвязывает лодочку и упускает сокровище

Действия Фридриха Барбароссы необъяснимы человеческой логикой. Его время нелинейно, он действует, не как живет, а как спит, бесконечно возвращаясь исправить прошлое, многажды пытаясь найти выход в безвыходном пространстве. Он ведет себя, не как историческая персона, а как персонаж мифа. Он живет, как бессмертный.

В 1165 году, ровно через десять лет после венчания в Риме императорской короной, Барбаросса совершает невиданное: он вновь венчается в Риме императорской короной.

В начале июня Фридрих, безрезультатно осаждавший Анкону, получает радостное известие: немецкие войска обложили Рим и обескровили римских защитников, еще немного — и Рим падет. Барбаросса является в Рим в сопровождении «своего» папы римского — Пасхалия III, который не лучше епископа, благословляющего блюда в романе, нашептывает императору аппетитное, гастрономическое: «Наступил час пожинать жатву и собирать виноград». Жатва кровава: бои идут за каждый храм, за каждый замок в городе. Рим усеян дымящимися обломками и трупами. Последний бастион — храм Св. Петра, сердце папского государства. Там — «итальянский» папа — Александр. Немецким войскам не удается сломить оборону храма. И тогда они — к священному ужасу римлян — поджигают часовню Богоматери, пристройку храма, где скрывались от боев женщины и дети. Перед таким кощунством и жестокостью отступают защитники Рима. Папа Александр покидает храм, оставляет город и проклинает Барбароссу. Папа Пасхалий в обороняемом немецкими войсками храме совершает обряд венчания Барбароссы императорским венцом. Курение ладана и мирры не в состоянии перебить трупный смрад и запах гари. Но Барбароссе не до сантиментов. В этом венчании не будет нежностей, не нужна трепетная голубка. Не нужно уже даже это коварное пространство, именуемое Империей, Барбароссе наплевать на Италию. Не нужно благословения — Барбаросса не боится Бога. Ему нужна только власть. Власть, чистая, как древнее золото клада Нибелунгов.

Он вводит в Риме прямое императорское правление, лично назначает Сенат, он, а не папа «дарует» должность префекту. Рим

теперь — личный город Барбароссы. Он же — цезарь, или, что удобнее — кайзер, ибо повенчан в Риме и властвует из него. Он — почти уже символ, почти легенда. Это венчание в огненной темноте, это восторг на грани кошмара, это страсть, похожая на смерть. Утром он, римский император, явит свое величие этому городу — миру…

Утром над Римом, три месяца задыхавшимся от невыносимой засухи, разражается страшная гроза. Жара не спадает. Ливень кипит на раскаленных мостовых, он уничтожает кровавые декорации вчерашней битвы, разоряет трубы канализации. Нечистоты заливают улицы. Вот какое, оказывается, вино приготовила судьба из винограда, благословленного Пасхалием! В немецком лагере начинается чума. Эпидемия распространяется с невиданной скоростью и силой. Вчерашние триумфаторы находят пристанище в ямах с известью. Дважды император решает убраться из Рима. Медленно, ох как медленно продвигается его войско, увязающее в грязи, — черная смерть успевает нагнать все самое близкое окружение Красной Бороды, оставляя его в одиночестве и недоумении.

Кара небесная, постигшая императора, — ободрение и надежда для Италии. Морок, оказывается, не бесконечен, жестокий правитель — уязвим. Первыми, естественно, поднимают головы развеянные по Ломбардии миланцы. Пригретые Вероной, поддержанные Венецией и Сицилийским королевством, тоже опасающимися тевтонской чумы, они объединяют гвельфские города — за год их становится двадцать восемь — в Веронскую лигу. Первым делом участники Веронской лиги восстанавливают Милан. Первое же восстание против «тевтонского ига» (а именно такое определение власти появляется в Италии во времена окольцованного Фридриха) поднимают, как это ни удивительно, не они, а гибеллинские города — в 1166 году. Объединение, о котором мечтали гибеллины в связи с императором, происходит против него. Через год гибеллины объединяются в Кремонскую лигу, а к декабрю 1167 года гибеллины и гвельфы объединяются между собой. Вся северная Италия, классическое имперское наследство римской цивилизации, отказывает императору, очарованному объединительной идеей, выталкивает его за пределы высокой человеческой цивилизации и обороняется от него железной круговой порукой единой Ломбардской лиги.

Когда Красная Борода второй раз венчался на царство, он стремился подтвердить неоспоримую силу своего прирученного сокровища — своей не по размеру данной власти. Он дразнил рок. Откуда ему, случайному избраннику судьбы, было знать, что не он над сокровищем, а сокровище над ним демонстрирует свою

власть? Первый раз — начало триумфа, кольцо дает в долг силу, славу, величие, легкость побед. Второй — начало конца. Сигнал к отданию долга, который, как известно, коварное сокровище Нибелунгов принимает только жизнью.

С 1167 года счастье и удача начинают изменять Барбароссе, сокровище тает у него в руках, как льдинка. Ломбардская лига изгоняет из городов ставленников императора, разоряет немецкие замки, игнорирует императорское правосудие, пренебрегает позорным Ронкальским соглашением — и выдвигает свои требования: не вернуть, а признать все естественные свободы, которые были у итальянских городов до прихода к власти Барбароссы. Фридрих терпит в Италии одно поражение за другим. Традиционно послушная Павия — «запасная» итальянская столица германских императоров — изгоняет его. Из окружения в Сузах Фридрих бежит в женском платье. Даже облик — легендарный мужественный облик — изменяет своему господину. В Бургундии и Леоне нашего рыцаря тоже ждет холодный прием. Здешние жители — сторонники папы Александра. Кощунственное поведение императора по отношению к священной римской церкви и к понтифику, дальнейшее недвусмысленное небесное наказание вынуждают бургундцев поскорее избавиться от инфернального владыки. Барбаросса сбегает в Германию…

Сюжет «Песни о Нибелунгах» распадается на две смысловые составляющие. Первая часть — часть кровавого овладения сокровищем, братоубийства и черного торжества — отделена от второй — отмщения и гибели Нибелунгов и утраты сокровища. «Антракт» длится шесть лет.

Шесть лет «отдыхал» от Италии и Барбаросса. С тихой грустью наблюдал он, как за время его кровавых странствий по заговоренному пространству Италии перекроенная под его авторитарную выгоду Германия отдалилась от него, перешла под реальную власть новых сеньоров, оставив императору декоративное, призрачное величие.

В 1174 году стареющий Барбаросса вновь засобирался в Италию. Возможно, он думал, что идет мстить. Возможно, он уже не мог жить иначе и покорно шел за *причитающимся.* Сопровождение императора было малочисленным — немцев мало интересовала заколдованная земля, вдобавок не все же были обручены с сокровищем… Вопреки здравому смыслу, повинуясь притягательному проклятью, Барбаросса идет на Милан. Что видит он в утренней дымке 20 мая? Он видит белые стены ненавистного города. Он идет на них, он все ближе, ближе… но не может дойти. Миланское ополчение встречает его на полпути.

Немцы начинают и почти выигрывают, но Фридрих вдруг не удерживается в седле и падает под ноги своему коню. Слух о гибели великого неуязвимого Барбароссы прожигает брешь в императорских войсках, начинается паника, немцы бегут от повстанцев. И только когда их поражение очевидно, приносят императора. Он жив. Но что ему теперь его жизнь?

К 1178 году он теряет все. Фридрих признает папу Александра, хотя пятнадцать лет назад заявлял, что это возможно только ценой утраты императорской чести. Фридрих признает права и свободы итальянских городов, какими они были до его правления. Когда итальянцы вносили требование о признании Алессандрии свободным городом, они сами не надеялись на успех, решив «пожертвовать» этим предложением взамен какой-нибудь более существенной уступки. Фридрих, однако, признает даже Алессандрию, построенную исключительно назло ему. 1 августа император произносит знаменитую покаянную клятву. Но не обещания потрясают многочисленных слушателей, а странное признание седого, поверженного императора. Он говорит, что величие и могущество не уберегают от неведения. Он говорит, что император — человек, и ему не чуждо ничто человеческое. Многие итальянские современники и хронисты объяснили странную фразу в том смысле, что коварный император переложил ответственность за многолетнюю тиранию на царедворцев, а сам притворился введенным в заблуждение, слабым и оболганным человеком. Мне же представляется иначе. В момент утраты всего морок неведения, наваждение властного тумана будто спали с глаз Барбароссы. Тогда, когда сокровище ничего уже не могло отнять у седого, старого, опозоренного императора, он, возможно, с облегчением и надеждой обнаружил, что он все еще человек…

ГЛАВА ПЯТАЯ,
о том, как сокровище ищет нового хозяина, а рыцарь Красная Борода — новую судьбу

Там, далеко, под умеренным солнцем тевтонской своей родины, слыл император Фридрих просвещенным монархом, не чуждым прелестям изящной словесности. Там, в непылком, но обстоятельном далеке его интеллектуального двора, слагались куртуазные романы на основе национального эпоса — потому что император был, как ему и положено, патриотом. На старую, потемневшую основу накладывались шелковые стежки. И только под южным солнцем Италии, в более жестком проявителе, проступали в облике императора Барбароссы жутковатые, архаичные черты, так мастерски заштопанные комплиментарными стихами его современников — миннезингеров.

Почему символом национальной славы и величия, как их понимала властная, политическая Германия, стали именно Нибелунги? В песнях эпоса Нибелунги живут сумрачной, коварной жизнью, неприемлемой для *человеческой морали*.

«Песнь о Нибелунгах» стилистически неоднородна и многослойна. Поверхностный слой повествователен и историчен: в основе сюжета лежит факт гибели бургундского королевства в 437 году и смерть гуннского короля Аттилы в 453-м. Наиболее ранние песни, в которых фигурируют Сигурд (Зигфрид), Атли (Этцель) и бургунды, относятся к V веку. «Публицистический», если можно так выразиться, слой — это собственно куртуазное переложение этих событий, со скрупулезным описанием мелочей быта и обычаев, костюмов и интерьеров, психологии и характеров современной автору эпохи. Самый глубинный слой — мифологический, выламывающийся не только из исторически возможной интерпретации характеров персонажей, но и из представлений линейной логики. Это сказание о драконе и кузнеце, у которого воспитывался Зигфрид, убивший дракона и искупавшийся в его крови. Это сказание о кладе двух братьев Нибелунгов. Сказание о спящей валькирии Сигрдрива (впоследствии эту сюжетную линию воспринимает Брюнгильда). Мифологические корни «Песни о Нибелунгах» — в эддических песнях. Автор «Песни…» и сам будто иногда выпадает из своей куртуазной реальности, начинает будто бормотать во сне: само

имя «Нибелунги» — меречится, в первой части оно означает странных мифологических существ, хранителей клада, во второй — вполне «современных» бургундов. Причем странные лики настоящих Нибелунгов нет-нет да и проступят сквозь «нормальную» светскость замковой куртуазной культуры. Поскольку совершенно очевиден «заказ» Штауфенов на появление этого куртуазного романа, то и проглядывающие древние темные лики жителей другого, нижнего мира вполне симптоматичны.

Перемещенные в стих средневекового романа, они стоят особняком в череде пылких куртуазных героев. Их первое появление в средневековой культуре связано с попыткой «облагораживания» по стандартам куртуазной этики той поры. Недаром первое произведение называется «Конец Нибелунгов» — по представлениям куртуазных авторов, герой, совершающий предательство, перестает быть героем и роман о доблести обрывается. Куртуазная честь и злодейство — две вещи несовместные. Так предательство сэра Ланселота обрушивает могущественную империю бретонского цикла о короле Артуре, смерть короля в результате измены — смерть романа. Однако Нибелунги, начав свою историю с преступления, преодолевают первоначальный средневековый «Конец…» и продолжают «славное» движение по сюжету. Они лишены человеческих характеров и не озабочены судьбой, их чувства лишены индивидуальной яркости, как застывшие черты масок. Нечеловеческая сущность Нибелунгов заставляла «заигрывать» с ними не только наивных средневековых, но и современных литераторов. Многочисленные переводы «Песни» на европейские языки (в том числе и на русский) пестрят «этическими» определениями, свойственными как средневековой куртуазной, так и современной человеческой морали. К Нибелунгам припечатано определение «убийцы» — и по логике это так. Жестокая сцена убийства младенца — сына Кримхильды и ее нового мужа названа «чудовищной». Встречая при дворе садиста и мучителя своего дитяти, Кримхильда говорит: «О, злодей!» Однако ж все это — рефлексия переводчиков! Ничего подобного в подлинной истории о Нибелунгах не происходит. Эпитеты, которые прилагаются к именам Нибелунгов, — «доблестный», «смелый», «сильный». Убийство ребенка описано бодро — как акт возмездия. А Кримхильда, встречая убийцу поутру, просто говорит ему «доброе утро, господин». Эти существа живут по другим законам, невыносимым для чувствующей человеческой души. Так кто же они, Нибелунги?

Корни их родословной питаются от хаоса праначала. Этимология имени Нибелунгов — меречлива, неясна. Имя

возводилось к немецкому Nebel — туман, морок. Еще более древние корни — исландские, nifl — мрак, потустороннесть. Изначальные хранители клада — альвы, мертвые духи, впоследствии слитые с ванами и цвергами и ставшие нижним отражением верхних богов — асов. Они — мрачные демоны, хтонические чудовища, карлы и великаны. Конденсаторы сильной, опасной, воинственной энергии недр мира. Это они, вечно стремясь к совершенству Одина, принуждены вечно оставаться внизу — на другом конце, чтобы «задавать» пространство мира, чтобы ограничивать представления о добре, чтобы создавать излучением своей энергии постоянное напряжение в цепи мира… Альвы в свою очередь делились на белых и черных. Неоднократное упоминание, что Нибелунги «Песни» были черноволосы, заставляет нас признаться, что хранители сокровища были исчадием ужаса и тьмы. Сокровище досталось им по праву, ибо гармонично проявляло присущие им черты. Золото недр, символизирующее власть. Власть, сомкнутая в кольцо упоительной непрерывности. Именно этот набор ценностей для Нибелунгов является магически материализованным «счастьем», «удачей».

Проникнувшие в стихи «Эдд» воинственные герои-демоны сохраняют свои нечеловеческие, демонические характеристики. Их движение по запутанной колее сюжета лишено осмысленной и одухотворенной цели. В силу происхождения их не интересует спасение души. Вышедшие из дремучего мрака в человеческий мир, они тоскуют по своему сумеречному прошлому. Любой ценой, чуждой и непонятной человеку, они по-прежнему стремятся к своим кумирам, своим богам. Сюжет оживляется и становится объясним, лишь когда речь заходит о безупречной воинской доблести Нибелунгов. Только излив свой темный агрессивный огонь в героизм и доблесть, они смогут после окончания земного пути присоединиться к пиру Одина, который тот вечно дает славным почившим воинам. Там, где не восходит Солнце, где не видно полночное светило и даже в полнолуние не бросает жестяной отблеск на суровые, будто вырезанные черты остывших героев… Вальгалла — приют охотников за доблестью, которые, догнав, замирают в растерянности, ибо — зачем? Что дальше? Куда дальше? — им неведомо и неинтересно. Нечувствительность к уколам человеческой судьбы, неразборчивость в выборе земного пути — родовое свойство нелюдей Нибелунгов. Но в этическом обществе такое поведение должно быть перетолковано — хотя бы в целях самосохранения человечности. В результате интерпретаций странный безадресный героизм приобретает качественно иную окраску: мужественное

презрение к судьбе, неуклонное, бесстрашное движение напролом — пусть уже даже без цели, без пути, без надежды — делает эпические характеры столь впечатляющими для германцев. И не для них одних. Изначальная сила, правда *на уровне элементов*, нечеловеческая логика, мужественность и простота (нечеловеческая в той мере, в какой она присуща миру без людей, юному миру богов) вообще присущи эпосу, будь то «Эдды», «Беовульф», ирландские космогонические сказания, исландские саги. Притяжение богов, свет только что созданного космоса, нерастраченная магия всеобъемлющих символов мира, не разъятая на добро и зло энергия — вот что создает харизму эпоса. Эпическими истоками напитаны все национальные культуры, свет изначальной истины, радость изначальной мудрости пробивается сквозь лучшие мировые поэзы. Мир, запечатленный в германском космогоническом эпосе, так же многогранен, как и в любом другом. Но история Нибелунгов — это несколько иная история. Хоть она и тянется от начала мира, но мир в ней — с усеченной светозарной верхушкой, без обители богов. *В этом-то и состоит трагедия очарованности* Нибелунгами, в этом-то и заключается ловушка, расставленная кольцом на пути власти вожделеющих. Потому что идея могущественного сокровища не дает покоя ни одной нации в период ее наивысшей брутальности. Хотя в немецкой истории она нашла на редкость исчерпывающее воплощение.

Сила — слава — власть — вот что стало составляющими национальной немецкой доблести. Вот по какому лекалу кроилась судьба императора Фридриха. Вот каким ярмом наградило его могучее кольцо доисторических предков.

Немцы ждали пробуждения Фридриха в облике императора. Но он воплотился в одержимом поэте, в безумном философе — с ожидаемым именем — Фридрих. Дух Фридриха Ницше был пробужден Р. Вагнером, когда тот назвал заветное Horst — «Кольцо Нибелунгов», когда созвучием раскодировал древние смыслы, разбудил подземных демонов. Ницше осмыслил и сформулировал то, что раньше являлось только в таинственных и мрачных образах. То, что Фридрих Красная Борода так явственно ощущал на своей судьбе, но сказать не умел. Прорвавшаяся в мир Воля к власти — сокровенный двигатель, довлеющий над человеческой жизнью. Историю мира творит темная страсть, энергия, древний неукротимый инстинкт. Эта сила выбирает себе вместилище, его Ницше называет «сверхчеловеком», но мы-то, проникнув в прошлое Нибелунгов, знаем, что это — не-человек. Туда, вниз, в глубину, к источнику буйной энергии, дарующей власть и могущество, устремляется ницшеанский сверхчеловек,

отрясая с презрением шелуху человеческих представлений о добре и зле, христианскую мораль, человеческую этику. От этих корней питается вся конструкция мира — древо жизни. Ницше полагал своего сверхчеловека совершенным плодом этого древа. Из вечного мрака он взовьется наверх — властвовать над миром, считает Ницше, ибо его сверхчеловек — это не только ровесник хаоса первоначала, он еще и человек будущего. Новый бог новых времен. Невозможно нижним богам слиться с верхними, не сломав конструкции мира, не порушив энергетических потоков, так и сверхчеловек не может воспарить лишь с тяжелым грузом мрака Нибелунгов, не преображенный по законам высшего божественного мира. Не сами ли Нибелунги нашептали философу его волюнтаристскую доктрину? Они всегда действовали именно так — находя в будущем подходяшего кандидата — будь то Зигфрид, Гунтер или Барбаросса, — погружали его личное сознание в немоту, в беспамятство и через послушного проводника вбрасывали в мир коварное колечко, приговаривающее к упоению властью через позор и смерть. Вырвав у альвов их древнюю тайну, философ Фридрих Ницше и сам погрузился в сумрачный мир беспамятства в начале 1889 года… Кольцо Нибелунгов лишилось чуткого и тонкого проводника. Но ненадолго. В апреле того же года появился на свет новый Нибелунг — Адольф Шикльгрубер, известный впоследствии как Адольф Гитлер…

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ, в которой Фридрих Красная Борода пытается стать доблестным рыцарем, но не успевает совершить подвиг

Фридрих Барбаросса, выпавший из истории кольца власти, остался в контексте своего времени. А время его — время рыцарских идеалов, становления куртуазного романа. Эстетика куртуазного романа, в отличие от эстетики эпоса, огромное внимание уделяет качеству пути своего героя, его целям. Даже если цель имеет сугубо военное, героическое в древнем смысле, воплощение, то суть ее все равно должна оставаться высокой и эстетически безупречной. Древний воин должен пройти по пути одухотворения, чтобы превратиться в средневекового рыцаря. Мотив выбора пути совпадает с этическим поиском. Чем выше этическая наполненность бытия куртуазного героя, проживающего череду авантюр, тем шире, многограннее его образ, тем совершеннее его характер. Тем выше, разностороннее награда в конце пути.

Возможно ли предположить, чтобы могущественный правитель вдруг раскаялся в пройденном пути? Возможно ли, чтобы Барбаросса с ужасом и стыдом оглянулся на собственную жизнь и признал, что деяния его ничтожны с моральной точки зрения, что, стремясь без разбору вперед, он не заметил, как превратил в руины собственное отечество, что повергал в прах своих собственных граждан, совершая тем самым тяжкий грех — уничтожение братьев своих во Христе? Что ослепленный идеей единоличной власти, словом и деянием оскорбил Церковь, презрел промысл Господа? Раболепно следуя идее величия, внушенной сокровищем Нибелунгов, все дальше отступал от подлинно рыцарского предназначения? В такое верится с трудом. И действительно — у Барбароссы был шальной, твердокаменный характер. Но он жил в XII веке, когда чувства человека еще не закалились до полной непроходимости, когда речь проповедника могла увлечь на смерть, уличный балаган запоминался на всю жизнь, а песня миннезингера ранила душу в кровь. Страницы романов, читаемых при дворе Барбароссы, испещрены чувственными монологами рыцарей о долге и чести, придворные песнопевцы слагают бесконечные поэмы об императорском

благородстве, которого в реальной жизни никто не видывал. Что делать? Личную судьбу исторического лица опять преображают обстоятельства культуры. Всю свою оставшуюся жизнь старый император пытается прожить как рыцарский роман.

Барбаросса возвращается в покинутую, остывшую к нему Германию. Он никогда больше не возглавит итальянский поход, он предоставит эту сомнительную честь своему сыну. Свое же провальное прошлое он, как страницу, вырвет из памяти современников и из истории потомков. С невиданным пафосом он отмечает годовщину величайшего императора — Карла. Рядом с ним, а не с Нибелунгами хочет он увековечить свое имя. Еще один большой праздник — посвящение в рыцари своих сыновей. Он хочет остаться в хрониках произносящим рыцарскую клятву, а не жалкое примиренческое лепетание. Много сил он отдает борьбе с Вельфом Генрихом Львом. И вовсе не для того, чтобы поддерживать в боевой форме рыцарский дух. Барбаросса понимает: там, где в романе истории стоит героическая песнь о Генрихе, могла быть глава о Фридрихе. Генрих Лев — это несостоявшийся он сам. Это Генрих укреплял владычество на севере Германии, строил там города, отодвигал северную границу. Это Генрих Лев создал один из самых изысканных и дерзких куртуазных дворов в Германии. А когда Барбаросса увяз в Италии, он отправился на помощь в Иерусалим, вел себя как доблестный рыцарь и был встречен в Иерусалимском королевстве не только как спаситель, но — что ужасно! — как истинный король. Вдобавок в силу исторических обстоятельств именно фамилия давнишнего соперника Барбароссы стала именем и знаменем итальянской оппозиции, так унизившей императора. Барбаросса успокаивается, лишь изгнав строптивого Льва из Германии. Никто теперь не стоит на пути к рыцарской славе.

В 1188 году семидесятилетний император принимает крест. В глазах его опять появляется металлический блеск, как во времена, когда он знал магические заклинания власти. Барбаросса возглавит Крестовый поход европейцев. Он останется в веках не только как идейный восприемник Карла Великого — объединителя империи, но и как защитник Гроба Господня. Немец — спаситель всего человечества, как и предсказано в «Ludus de Antichristo». Завершить свой путь исполнением святого рыцарского долга — что может быть величественнее?

Однажды Фридрих Барбаросса уже участвовал в Крестовом походе, под знаменами дядюшки Конрада III. Это было в 1148 году, и не было в истории крестоносного движения более позорного вояжа в Святую землю. В полководческой сумятице войска германцев и франков неоднократно нападали друг на

друга, были с позором изгнаны из Византии, где вели себя, как варвары, и попали в западню к туркам-сельджукам. Живыми вышли немногие — в основном, руководители похода, которые заблаговременно бежали. Если бы Фридрих тогда был более чуток, он узнал бы предостережение от позора, ничтожества и предательства. Но он уже оказался под магической властью кольца и его тащили вперед другие резоны.

Проклятое кольцо власти нашло последний приют на дне реки. «Рейн сохранит золото, разделившее воинов, — говорит перед гибелью Гунтер, — быстрая река сохранит сокровище Нибелунгов». И ладно. Не демоническая древняя страсть, но светлый рыцарский идеал прославит крестоносца Барбароссу…

Для похода в Святую землю император избирает сухопутный маршрут. Кто знает, может, для того, чтобы быть подальше от искушения. Или?.. 10 июня 1190 года в Малой Армении Барбаросса решает сократить путь и перейти вброд небольшую речонку Селиф. В шаге от берега император не удерживается в седле и падает в воду, вода моментально укрывает доставшееся ей сокровище. Кольцо Андвари, присвоенное Нибелунгами, утягивает императора Фридриха Барбароссу на дно, чтобы навсегда слиться с ним…

ЭПИЛОГ

Как только со дна мира всплывал клад Нибелунгов, руки желающих комфортно жить в мире повседневных реалий тянулись к кольцу власти. То, что человечество сочло себя полностью «осчастливленным» колечком, не меняет истинного положения вещей: воплощенное в сокровище *истинное* счастье не является полным без других составляющих. Доподлинно известно, что альвы стерегли также *мед поэзии*. Мед поэзии — источник мудрости и совершенства, дарующий светлое счастье одухотворенности и восторг вдохновения, проявляющий истинные изначальные сущности. Сияющая медвяная роса покрывает по утрам ствол древа мира. Неужели наш мир обнесен заветной чашей? Рудольф Майер в своем исследовании о сущности священного сокровища справедливо замечает, что сокровище в мир людей (мир большей частью материальный) должно быть явлено материально. Как только человечество готово узреть сокровище — оно уже здесь. Если в мире злодействует кольцо, то в мире разливается и волшебный нектар. Мед поэзии истек в Германию практически одновременно с появлением у Барбароссы заветного кольца. В романе, как и «Нибелунги», странном, не характерном для куртуазии— но по противоположной причине — в «Парцифале» фон Эшенбаха. Только кольцо заявляло о себе во всеуслышанье на понятном языке инстинктов, а мед поэзии благоухал слишком тонко: даже в узком придворном кругу ценителей роман был недопонят и вызвал недоумение.

Мед поэзии материализуется в священной чаше Грааля, о нем говорят де Боррон и Кретьен де Труа. Он может преобразиться в сосуд или камень, как об этом свидетельствует Вольфрам фон Эшенбах. Он может стать голубым цветком Новалиса. Он разольется в чашу Урдар-озера Гофмана (как это созвучно Урдр — названию источника мудрости, из которого питается древо мира германцев и скандинавов!). Мед поэзии воплощался и в голубой ирис Гессе. Пригубивший мед приобщается светозарной энергии, позволяющей духу воспарить, не боятся мира и его низких страстей. Напиток Одина превращает в истинных рыцарей — рыцарей духа. Другой вопрос, что миры, в которых материализуются две составляющие сокровища Нибелунгов, — разные. Очень любопытен эпизод посвящения из романа о Граале Робера де Боррона. На круглый стол ставится священный сосуд. В сердцах тех, кто узрел его, разливаются сладость и блаженство. Сердца же других остаются пусты — и они уходят, ибо не узрели

ничего *такого*. Понятно, что в бешеной погоне за самым счастливым счастьем мир, излучающий энергию силы и власти, использовал бы все возможности, чтобы завоевать недостающее звено. Но этот мир проходит сквозь мир, напоенный медом поэзии, как тень от облака сквозь пейзаж. Священный сосуд нельзя взять силой, он достигается только духовным ученичеством. Там, где вожделеют власти, — возникает кольцо. Или меч. Тем, кто заслуживает совершенства, как высшая награда даруется сосуд. Он не может завоевать мир. Это мир, смирившись и прозрев, может обрести его. В одном из сказаний артуровского цикла есть версия, что медом поэзии владел Мерлин. Могущество императора и мудрость волшебника, воссоединенное сокровище — вот идеал совершенства мира. Гармония хаоса низа и космоса наверху. Жизнетворное единство корней и кроны, возвращение альвов на пир к Одину. Для эпоса германцев и скандинавов это — Идавалльр, обитель богов в Золотом веке. Для христианина — Царствие Небесное на земле. Для всего совокупного человечества — обретенный Золотой век, не помнимый уже, но незабываемый. Однако ж история показывает, что разъединенные половины клада далеки друг от друга. Тень реального мира, в котором востребовано исключительно кольцо, все больше наползает на родину души, о которой с непонятной для большинства ностальгией писал еще фон Эшенбах, а за ним и многие истинные поэты.

Сын Барбароссы, Фридрих Швабский, довез тело императора до Антиохии. Из-за страшной жары к повозке с телом старались не приближаться. Церемония отпевания в местной церкви св. Петра была очень немногочисленной: войско практически полностью разбрелось. Если учесть, что сам Фридрих Швабский вскоре умер от чумы, то свидетелей погребения Барбароссы практически не было… Вполне возможно, что император Фридрих, повинуясь странной судьбе, сотканной из реальности и легенды, действительно спит в горах Гарца. Не стоит прерывать тяжкую его грезу. Это не даст ничего нового — ни нового века, ни просветления, ни восторга. Опять до боли знакомое — политика, кровь, насилие, сумрачная ярость, жестокая справедливость. Лучше оставить Красную Бороду. Пока рядом не окажется просветленного поэта или вдохновенного мудреца, держащего сосуд с медом поэзии. Сосуд, который по глупости отбросили из груд драгоценностей славные парни, лихо завладевшие кладом.

Напоследок я хочу напомнить, с чего начиналась наша попытка куртуазного романа: с отсылки к другому роману той эпохи, к роману Кретьена де Труа из артуровского цикла. До сегодняшнего дня на страницах средневековой литературы спят,

дожидаясь волшебного часа пробуждения, три персонажа: король Артур, волшебник Мерлин и император Фридрих Барбаросса. Только два первых героя навсегда связаны в мифологическом сознании со светоносной субстанцией Грааля, а немецкий император — с золотом Нибелунгов. Возможно, что к мрачному инфернальному низу император приговорен культурой по ошибке — в силу неправильного толкования «пророчества Гамалиона»: «Золото выйдет из горы». Если мы попытаемся разобраться, что же за золото таит в себе камень и в чем тогда смысл появления в мире сокровища, — мы не оживим впавшего в ошибку истории и в плен власти императора, но посочувствуем ему напоследок.

В XII веке наравне с модой на куртуазию возобновился интерес к древней мистической науке — алхимии. Многим сегодня известно, что средневековые алхимики пытались найти философский камень и превратить металлы в золото. Мало кому известно, что и в первом, и во втором случаях речь шла об одном и том же: о преобразовании души, о выделении души мира — anima mundi — из тисков материи. Алхимики полагали, не сильно противореча отцам христианской церкви, что Бог находится внутри всего. Это — высший дух, составляющий суть и смысл мира, но заключенный в материю, ибо только в материальном образе мир может быть явлен человеку. Возгонка этого духа и была целью научных и духовных поисков и трогательных лабораторных работ. «Наше золото — это не золото черни», — заявляли они. Это не золото, благодаря которому вскипают, как в тигле, людские страсти, на котором настаивается власть. Они искали чудесный камень, скрывающий тонкую душевную сущность, для того чтобы добыть из него ту субстанцию, которая пропитывает все вещества. Духовная субстанция каждого металла — это золото. Духовная субстанция каждого человека — это совершенный человек, дремлющий в нем. Новый Адам. Так называли его алхимики. Сверхчеловек — так называл его Ницше. Метафора Ницше в «Заратустре» «В камне дремлет мой образ» говорит о том же, о чем говорили средневековые алхимики, только другими словами. Удивительно, до чего близко подошел Ницше, с его исступленной интуицией, к тайне дремлющего образа, с какой неистовостью жаждал он вырвать тайну сверхчеловека из камня, в котором она так долго спала. Но ему помешал призрак воли — призрак власти, вырвавшийся из недр национальной мифологии. Этот же призрак помешал и Барбароссе, спящему ныне в безлюдных расщелинах Гарца. У алхимиков, выражавшихся, как мы представляем, темно и невнятно, а на самом деле емко и метафорично, существовал такой образ — «спящие, скованные в Гадесе». Так говорилось о

несовершенном состоянии, в котором, подобно сну, находятся вещества живой и неживой материи, не преображенные духом. Они пробуждаются для новой и прекрасной жизни благодаря божественной тинктуре, извлеченной из «вдохновляющего» камня. Ницше верно показал, сам того не желая, что никто не должен ошибочно принимать сверхчеловека за образец духовного или морального идеала, пока на него не излилась волшебная вода — осознанное одухотворение. Барбаросса, увы, доказал это ценой собственной жизни.

Загадкой мрачной истории о Нибелунгах был и остается Зигфрид — персонаж, осиянный светом, на котором не отпечатались клеймами демонизма следы хранимого им клада. Литературные исследования «Песни о Нибелунгах» возводят тему Зигфгида к одному из самых древних архетипических сюжетов мифологических сказаний — к сюжету о сватовстве. Сватовство — это не переход в новое матримониальное состояние. Это инициация, цепь испытаний, игра с Судьбой на выбывание. Такой путь проходит Зигфрид, оборов дракона и отвоевав клад. Дракона он обарывал в темном подземном мире, и для нас важно, что он вышел из него, — его не «сковало в Гадесе», следовательно, он был пробужден к новой прекрасной жизни от жизни без духа, которая практически и есть смерть. И для этой жизни-смерти, с ее засадами в виде золота черни, с ее черной испепеляющей страстью, с ее искушением властью и славой, он стал неуязвим. Оттого и не было ему зазорно поддерживать стремя, завоевывать чужих подруг и поворачиваться незащищенной спиной, помеченной вдобавок рукою жены, к врагам. Возможно, там, в Гадесе, он был «оживлен» «тинктурой», как называли это алхимики, возможно, он был напоен медом поэзии. В любом случае Зигфрид был приобщен тайне выхода из окаменения, которая так и не стала доступной легендарному Барбароссе и — увы — все еще недоступна каждому из нас.

В заключение добавлю, что в интерпретации алхимиков Священный Грааль — это и есть тот «одухотворенный» камень — lapis ex caelis, что значит «камень с неба». О чем и повествует в своем романе о сокровище Вольфрам фон Эшенбах:

…Светлейших радостей исток,
Он же и корень, он и росток,
Райский дар…
Вожделеннейший камень Грааль.

© 2001 Журнальный зал в РЖ, «Русский журнал»

notes

Примечания

1

Кретьен де Труа (Cretien de Troyes) родился, предположительно, в 1130 году, к написанию своих многочисленных романов приступил сравнительно поздно, имея за плечами опыт поэтического ученичества, вагантского бродяжничества, придворной жизни и куртуазных путешествий. В основном, темы его романов связаны с артуровским циклом. «Персеваль, или Повесть о Граале» — самый кропотливый и длительный труд Кретьена де Труа. Работа над ним продолжалась с 1181-го по 1191 год и была прервана смертью автора (*здесь и далее примечания Гелы Гриневой*).